

О. А. Малышева,

профессор кафедры уголовно-процессуального права
Московского государственного юридического университета
имени О. Е. Кутафина (МГЮА),
доктор юридических наук, доцент

**ОТЗЫВ НА ДИССЕРТАЦИЮ А. А. НАСОНОВА
«СОГЛАСИЕ И ЕГО РЕАЛИЗАЦИЯ
В УГОЛОВНОМ СУДОПРОИЗВОДСТВЕ РОССИИ:
ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ, ПРАВОВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ
И ПРАВОПРИМЕНЕНИЕ»**

Тема диссертационного исследования А. А. Насонова является актуальной, поскольку в уголовно-процессуальной практике продолжают сохраняться факты нарушения права заинтересованных участников уголовного судопроизводства свободно, ясно, точно выражать свое волеизъявление (дача согласия / отказ в даче согласия) следователю, дознавателю при производстве по уголовному делу. Об этом свидетельствует анализ практики обжалования процессуальных решений и действий в досудебном производстве ввиду допускаемых при их принятии и производстве нарушений законности и обоснованности, подтверждаемых результатами практики прокурорского надзора за процессуальной деятельностью органов предварительного следствия и органов дознания. Для предотвращения обозначенных нарушений, препятствующих эффективному достижению назначения уголовного судопроизводства, нормативно определенного ст. 6 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации (далее — УПК РФ), актуализируется необходимость в научно-теоретическом осмыслении института согласия при осуществлении уголовного преследования, уголовно-процессуальной защите, обеспечении прав личности в уголовном судопроизводстве, в ходе контрольно-надзорной деятельности в уголовно-процессуальной сфере.

Актуальность темы диссертационного исследования обусловливается и иными обстоятельствами. В частности, несоответствие критериям законности, обоснованности и мотивированности согласия, даваемого соответственно руководителем следственного органа следователю, прокурором — дознавателю, на обращение в суд за разрешением на производство отдельных процессуальных действий, избрание конкретных мер процессуального принуждения снижают уровень защищенности не только подозреваемого, обвиняемого от необоснованного уголовного преследования, но и конституционных прав иных лиц, вовлекаемых в сферу уголовного судопроизводства.

Указанное подтверждает потребность в системном исследовании правового, нравственного содержания уголовно-процессуального института согласия, практики его реализации в уголовном судопроизводстве.

Новизна диссертационного исследования заключается в том, что автор разработал концепцию согласия и его реализации в уголовном судопроизводстве России, показывающую современное состояние этого правового явления и перспективы его дальнейшего развития и позволяющую разрешить значимую научную проблему надлежащего функционирования согласия в уголовном судопроизводстве в качестве его системообразующего фактора, правовой урегулированности согласия и совершенствования его реализации в условиях современного развития уголовно-процессуальных отношений.

Новизна исследования подтверждается:

— авторским подходом к определению понятия согласия в уголовном судопроизводстве (положение 1, выносимое на защиту; с. 39);

— выявлением ценностных свойств уголовно-процессуального согласия (с. 155—180) и их классификацией на а) общие свойства, которые характерны для согласия (наряду с уголовно-процессуальным), реализуемого в правоотношениях, возникающих на основе норм других отраслей права, и б) специфические, свойственные только уголовно-процессуальному согласию (с. 184);

— формированием в целях уяснения сущности, содержания, назначения, особенностей получения, дачи согласия в уголовном судопроизводстве многоуровневой классификации уголовно-процессуального согласия по различным (15 видов) основаниям (положение 8, выносимое на защиту; с. 231—233, 235—237, 240, 263, 291, 293—295, 299—300, 304—306, 308—309, 313—314, 320—321, 323);

— конструированием механизма реализации уголовно-процессуального согласия (с. 327—417);

— развитием института электронного документооборота в контексте оптимизации получения и оформления уголовно-процессуального согласия (с. 285—291);

— авторским видением направлений совершенствования правового регулирования реализации уголовно-процессуального согласия властными субъектами уголовного судопроизводства (с. 450—457) и др.

Вынесенные на защиту положения также соответствуют критерию новизны.

Импонируют характер раскрытия А. А. Насоновым исследуемой в диссертации категории «уголовно-процессуальное согласие» — четко, последовательно, содержательно (с. 30—31, 60—61); представление значения уголовно-процессуального согласия в механизме правового регулирования уголовно-процессуальных правоотношений (с. 49—51, 56, 61); обращение соискателя по многочисленным вопросам, исследуемым

в диссертации, к зарубежному опыту Беларуси (с. 100, 222, 296), Армении (с. 101, 222, 278), Молдовы (с. 101, 200), Туркменистана (с. 101), Канады (с. 130), Германии, Австрии, Швейцарии, Франции (с. 137), Турции, Латвии (с. 159), США (с. 167), Кыргызстана, Таджикистана (с. 222, 279), Италии (с. 278), Казахстана, Грузии (с. 443) и др.

Теоретическая значимость диссертационного исследования обусловлена введением в научный оборот понятий «согласие пассивного типа» и «согласие активного типа», различающихся способами получения, юридической природой, правовой регламентацией, различной причастностью (с. 114); критическим анализом нормативного определения дефиниции согласия в пункте 41.1 ст. 5 УПК РФ через призму научных взглядов и результатов правоприменения в уголовном судопроизводстве (с. 31—38); авторским пониманием согласия невластных субъектов уголовного судопроизводства с учетом правовой позиции Конституционного Суда Российской Федерации и специфики его получения (с. 43—45, 460—463); выделением соискателем субинститутов института согласия: а) согласие, исходящее от властных субъектов, б) согласие, формируемое лицами, не наделенными властными полномочиями (с. 52—53, 418—458, 460—500) с уточнением места согласия потерпевшего, его законного представителя в системе обстоятельств, детерминирующих переход к компромиссным производствам (с. 470—477) и др.

В научном исследовании А. А. Насонов продемонстрировал нестандартный подход к оперированию понятием «взаимодействие» при анализе соотношения уголовно-процессуальных институтов согласия и принципов уголовного судопроизводства (гл. 3). Им сделан акцент не только на привычном понимании термина «взаимодействие» — в контексте уголовно-процессуального и организационно-правового видов деятельности властных и невластных субъектов уголовного судопроизводства (получение согласия субъектами уголовного судопроизводства (с. 209, 217, 219), обоснование роли принципов уголовного судопроизводства как гарантий реализации уголовно-процессуального согласия (с. 210), уточнение значения согласования для реализации принципов публичности, охраны прав и свобод человека и гражданина в уголовном судопроизводстве, языка уголовного судопроизводства (с. 196—198, 215, 217, 219) и др.), но и на собственном научном подходе к раскрытию соотношения правового явления — согласия и принципов уголовного судопроизводства (взаимодействие согласия с принципами уголовного судопроизводства (с. 187, 190, 202, 211, 212, 226 и др.), влияние на уголовно-процессуальное согласие принципа разумного срока уголовного судопроизводства (с. 194) и др.).

Практическая значимость результатов диссертационного исследования заключается в выработке рекомендаций по совершенствованию уголовно-процессуального законодательства, регулирующего согласование в стадийном производстве с участием невластных субъектов, основанном на идее усиления уголовно-процессуальной деятельности по защите интересов указанных субъектов.

Степень достоверности и обоснованности результатов диссертационного исследования подтверждается значительной нормативно-правовой базой, качественной методологией проведенного исследования, емкой по содержанию и обширной по географии эмпирической базой (материалы 512 уголовных дел, результаты анкетирования в 2018—2024 гг. 1 017 практических работников (следователи, дознаватели, прокуроры и др.) в 13 субъектах Российской Федерации, опубликованные материалы следственной и судебной практики по уголовным делам, нашедшей надлежащее осмысление в диссертации).

В диссертационной работе многократно приводятся правовые позиции Конституционного Суда Российской Федерации (с. 104—105, 160, 161, 162 и др.), Верховного Суда Российской Федерации (с. 241, 319, 483 и др.), результаты изучения уголовно-процессуальной практики (с. 111, 139, 155, 179, 205, 265, 318, 431, 474 и др.), усиливающие обоснованность теоретических суждений А. А. Насонова, которые опираются также на результаты собственного эмпирического исследования (с. 32, 100, 198, 430, 437, 438 и др.).

Отмечая многие достоинства позиции автора в целом по исследуемой проблеме, обозначим вместе с тем и теоретические суждения, заключения диссертанта, которые представляются небесспорными и как минимум требуют дополнительной аргументации в ходе публичной защиты.

1. В диссертации предлагается более последовательное применение в тексте УПК РФ разных языковых единиц «разрешение» и «согласие» соответственно: по отношению к одобрению государственными органами и должностными лицами (публичными субъектами уголовного процесса) и невластными участниками уголовного судопроизводства (с. 99—100).

На публичной защите соискателю предлагается уточнить, какие негативные последствия для уголовно-процессуальной практики влечет существующая в настоящее время в УПК РФ регламентация института согласия, не предусматривающая четкой градации языковых форм выражения уголовно-процессуального согласия.

2. В диссертации проявляется некоторая непоследовательность позиции соискателя в вопросе получения согласия невластного субъекта. По мнению диссертанта, необходимость получения согласия обвиняемого на применение залога усматривается в отсутствие прямого закрепления в УПК РФ. В качестве дополнительного аргумента приводится правовая позиция Конституционного Суда Российской Федерации о допустимости применения данной меры пресечения только с согласия собственника имущества — залогодателя (с. 104—106). А если обвиняемый не является залогодателем? Из чего в этом случае исходит соискатель, презюмируя получение согласия обвиняемого на избрание залога, если он об этом не ходатайствует? Аналогичная ситуация с получением в отсутствие прямых предписаний закона согласия собственника жилища — по умолчанию

складывается и при избрании домашнего ареста. Соискатель признает допустимой форму выражения согласия в таких случаях в виде молчания, именуя его косвенным согласием (с. 291). Однако на с. 273—274 диссертации А. А. Насонов обосновывает необходимость письменного оформления согласия, недопустимость признания юридического значения молчаливого согласия участника уголовного судопроизводства, в том числе, обращаясь к предписаниям п. 6 ч. 2 ст. 340 УПК РФ, аргументирует потребность обязательного нормативного закрепления в УПК РФ обязанности следователя, дознавателя, суда получать согласие у невластного субъекта (с. 199).

Хотелось бы услышать пояснения по данному вопросу соискателя и его уточнение содержания незакрепленного законом активного действия носителя согласия — собственника жилища при избрании домашнего ареста, обвиняемого — не залогодателя.

3. Исследуя соотношение понятий «уголовно-процессуальное согласие» и «гармония» (с. 133—135), соискатель приходит к убеждению, что согласие способствует гармоничному состоянию в уголовно-процессуальных отношениях, достигаемому посредством сближения позиций лиц по отдельным вопросам. В диссертации также констатируется: 1) наличие важной проблемы для уголовного процесса — разграничения публичных и частных интересов (с. 127); 2) публичный характер уголовно-процессуальных отношений, ориентированный на подавление частных интересов (с. 142).

В свете сказанного было бы уместным уточнение соискателя о возможности существования пределов толерантности в уголовно-процессуальных правоотношениях, которых, по его мнению, можно достичь посредством уголовно-процессуального согласования (с. 135). Как соотносятся между собой толерантность в уголовно-процессуальных отношениях и баланс уголовно-процессуальных интересов (с. 135—136)?

4. Соискатель акцентирует внимание на условиях формирования согласия применительно к властным субъектам (с. 46—48) и его свойствах: ясность, действительность, информированность (с. 156, 157), понятии уголовно-процессуального института согласия в контексте получения у лица одобрения на переход к определенной процедуре (с. 39, 52 и др.), в том числе регламентируемой гл. 40, 40.1 УПК РФ (с. 156—157, 204, 211); приводит примеры судебной практики, подтверждающие факт уточнения судом добровольности заявления ходатайства о рассмотрении уголовного дела в особом порядке (гл. 40 УПК РФ), осознания последствий заявленного ходатайства (гл. 40, 40.1 УПК РФ) (с. 163—164); констатирует наличие возможности получения консультации у адвоката при заявлении подозреваемым, обвиняемым ходатайства о применении дифференцированной формы уголовного судопроизводства; освещает недостатки правового регулирования заявления согласия защитником при переходе на особый порядок согласно гл. 40 УПК РФ (с. 463—464).

На публичной защите соискателя следует указать проблемы, препятствующие обеспечению свойства согласия — добровольности при даче согласия обвиняемым в ходе предварительного расследования на осуществление производства, предусмотренного соответственно главами 40, 40.1 УПК РФ. Способствует ли появлению этих проблем отсутствие в ст. 47 УПК РФ права обвиняемого «на выбор между согласием и несогласием с той или иной формой компромиссного характера» (с. 469)? Почему действительность согласия не подтверждается (с. 165) в судебном разбирательстве по уголовному делу, по которому обвиняемым заключено досудебное соглашение о сотрудничестве?

5. В диссертации предлагается существенно расширить процессуальный статус законного представителя потерпевшего путем наделения его правом ходатайствовать о вынесении постановления о принятии мер по обеспечению возмещения вреда, причиненного преступлением, знакомиться с постановлением о приостановлении предварительного следствия, о возобновлении предварительного следствия, с заключением эксперта, с материалами уголовного дела, давать согласие на ознакомление сторон с подлинными сведениями о несовершеннолетнем при их сокрытии и др. (с. 478—480, 488, 498—499 и др.).

Ждем от соискателя дополнительных аргументов о наличии потребностей уголовно-процессуальной практики в нормативном закреплении обозначенных прав указанного субъекта, возможно, подтверждаемые показателями состояния законности, обеспечения прав личности в российском уголовном процессе.

Сделанные замечания не влияют на общий положительный вывод о диссертационном исследовании А. А. Насонова.

Автореферат диссертации соответствует ее содержанию.

Материалы диссертации достаточно полно представлены в публикациях автора и апробированы.

С учетом изложенного следует заключить, что диссертация А. А. Насонова «Согласие и его реализация в уголовном судопроизводстве России: теоретические основы, правовое регулирование и правоприменение», представленная на соискание ученой степени доктора юридических наук, является завершённой научно-квалификационной работой, содержащей самостоятельное творческое решение теоретических и практических задач, имеющих существенное значение для науки и практики уголовного процесса, обладает внутренним единством, содержит новые научные результаты, свидетельствует о личном вкладе автора в науку и соответствует требованиям, предъявляемым к диссертационным исследованиям на соискание ученой степени доктора наук Положением о присуждении ученых степеней, утвержденным Постановлением Правительства Российской Федерации от 24 сентября 2013 г. № 842 (в актуальной редакции). Автор диссертационного исследования Александр Александрович Насонов заслуживает присуждения ученой степени доктора юридических наук по специальности 5.1.4 Уголовно-правовые науки (юридические науки).